

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102

ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Щербаков С.А.

*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(Мытищинский филиал)
141005, г. Мытищи, Московская область, ул. 1-я Институтская, д. 1,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются образы различных природных ландшафтов в поэзии Николая Рубцова, среди которых преобладают образы поля и луга, ассоциирующиеся с образом малой родины поэта и ставшие стержнем его художественного мироздания. Используются герменевтический, биографический и локально-исторический методы литературоведческого анализа. Концепция статьи опирается на есенинские принципы «климатического стиля». В результате исследования сделаны выводы о приверженности Рубцова есенинской традиции и о том, что природные ландшафты в его творчестве являются не только лирическим пространством, но и хранилищем национальной памяти.

Ключевые слова: Николай Рубцов, природные ландшафты, малая родина, лирическое пространство, мотив, образ.

NATURAL LANDSCAPES IN THE POETRY BY NIKOLAY RUBTSOV

S. Shcherbakov

*Bauman Moscow State Technical University
(Mytishchi Branch)
1st Institutskaya st., Mytishchi, Moscow region, 141005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the analysis of the images of various natural landscapes in the poetry by Nikolay Rubtsov, among which the field and the meadow, that are associated with the image of the small homeland of the poet, prevail and have become the main core of his artistic universe. The article uses hermeneutic, biographical and local historical methods of literary analysis. The concept of the article is based on Yesenin's principles "climate-style". As the results of the study, the conclusions are made about Rubtsov's commitment to Yesenin tradition and that images of natural landscapes in his works are not only lyrical space, but also a repository of the national memory.

Key words: Nikolay Rubtsov, natural landscapes, small homeland, lyric space, motif, image.

Проблема литературоведческого осмысления творческого наследия Николая Михайловича Рубцова, несмотря на большое количество трудов, посвящённых его поэзии, продолжает оставаться весьма актуальной. В общественном сознании Рубцов воспринимается как поэт национальный, и поэтому часто диссер-

тационные работы, касающиеся его творчества, проходят по категории педагогических, а не филологических наук. К публицистической полемике относятся и многие критико-биографические статьи, посвящённые творчеству, жизни и трагической смерти поэта.

Среди собственно литературоведческих работ особо значима книга В.В. Кожина «Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта», задавшая верный тон в дальнейшем изучении наследия поэта. Родная природа, русский народ и российская история в ней рассматриваются как основополагающие понятия, определяющие «сквозной смысл» [4, с. 29] его лирики. Важные наблюдения над образами природы в стихотворениях Рубцова содержатся в работах Н.М. Коняева [5], А.П. Ланщикова [7], В.А. Оботурова [9], С.Ф. Педенко [10].

Целью данного исследования явилось изучение художественных образов различных природных ландшафтов, на фоне которых обычно происходят лирические события в произведениях поэта. Основной задачей стал анализ художественного пространства его лирики в ракурсе эволюции выше обозначенных образов. В процессе решения поставленной задачи применялись герменевтический, биографический и «локально-исторический» методы литературоведческого анализа.

Последний из них, разработанный Н.П. Анциферовым, сравнительно нов и позволяет рассматривать всякое художественное произведение как «динамическое взаимодействие творческих воль двух великих «художников» – материальной природы мира и его чело-

веческой духовно-психологической ипостаси» [8, с. 183]. Созданный в процессе исследования урбанистических пейзажей Петербурга применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, данный метод, на наш взгляд, может быть с успехом применён и к творчеству далёких от городской цивилизации художников слова, поскольку содержит в своей основе принцип «сердечного краеведения», то есть познания родной земли через любовь к ней.

Концепция исследования опирается на обоснованную Сергеем Есениным в статье «Быт и искусство» теорию «климатического стиля». Являясь сторонником «органического», то есть естественного, согласующегося с объективной реальностью образа, он в данной статье полемизировал с «собратями»-имажинистами, проповедовавшими победу образа над смыслом. Используя в качестве главного аргумента обращение к вековому опыту северного земледельца: «Сажая под окошком ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает чёткий и строгий рисунок своего быта со всеми его зависимостями от “климатического стиля”...» [1, с. 219], поэт затем переносит законы, «непреложные» в крестьянском быту, на почву искусства. Показательно, что основной причиной нежелания остальных имажинистов соблюдать в своём творчестве законы «климатического стиля» Есенин полагал отсутствие у них «чувства «родины»: «У братьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласовано всё» [1, с. 220].

Конечно, теория «климатического стиля» применима не только к имажинизму, но и к искусству в целом. При

этом, как всякая теория, касающаяся художественного творчества, она не может быть исчерпывающей. Например, в новокрестьянском направлении русской поэзии, к которому Есенин также принадлежит, творчество Сергея Клычкова вписывается в её принципы, а творчество Николая Клюева – нет.

Кроме того, исходя из логики связи «климатический стиль» – «чувство родины», представляется возможным трактовать есенинские принципы «климатического стиля» более широко в литературоведческом плане, понимая под ними помимо стремления к «органическому» образу ещё и обусловленность образной системы всякого близкого к природе поэта, в нашем случае Николая Рубцова, растительным миром его малой родины.

В одном из своих «программных» стихотворений «О чём писать?» Рубцов так выразил основные мотивы собственной лирики: «*Ты тему моря взял / И тему поля...*» [11, с. 284]. Сквозным мотивом его раннего творчества была морская романтика, а затем в стихах начинает преобладать именно тема поля (или луга) с растущими там травами и цветами, которую расширительно следует рассматривать как тему малой родины. Подтверждение этому содержится в одной из автобиографических заметок поэта: «Особенно люблю темы родины и скитаний...» [12, с. 289].

На то, что любовь к малой родине и «жгучая, кровная связь с природой...» [10, с. 6–7] были главным содержанием поэзии Рубцова, указывали многие исследователи его творчества. В первый раз Рубцов «изменяет» морской романтике в стихотворении «О природе», в котором уже не море, а деревья

и цветы становятся предметами любви лирического героя. Кроме того, в нём обозначены «экологические» приоритеты поэта, он явно разделяет мысли Николая Клюева о том, что природа выше цивилизации:

*«Если б деревья и ветер,
который шумит в деревьях,
Если б цветы и месяц,
который светит цветам, –
Всё вдруг ушло из жизни,
остались бы только люди,
Я и при коммунизме
не согласился б жить!»*

[11, с. 340].

Тем не менее, образы деревьев и особенно образ леса как их совокупности возникают в его стихотворениях уже на более поздних этапах творчества. Можно предположить, что причина этого заключается в трагических событиях, связанных со смертью матери: «Потрясённый смертью матери, шестилетний Коля летом 1942 года убежал в лес и пропадал там неделю» [3, с. 559]. Возможно, такое сильное душевное потрясение, усугублённое страхом и одиночеством, оставило в душе ребёнка незаживающую рану. До конца дней основным тоном его лирики будет состояние не личного даже, а какого-то вселенского сиротства.

В раннем стихотворении «Разбойник Ляля» с подзаголовком «Лесная сказка» поэт противопоставляет друг другу образы леса и моря, причём противопоставление это не в пользу леса. В ответ на упрёки возлюбленной, которая боится жить в мрачном «лесу разбойном», главный герой живописует ей их счастливое будущее: «*Дом построим с окнами на море, / Где легко пошвытывают бризы, / И, склонясь в дремотном разговоре, / Осеняют море*

кипарисы» [11, с. 444]. Море, кстати сказать, здесь описано явно не Белое, на котором служил и работал матросом сам поэт, а, скорее всего, Чёрное, в глазах разбойника Ляли более подходящее для счастливой семейной жизни. Конечно, есть в этой сказке и отголоски мечтаний самого автора. Недаром свою «Элегию», написанную годы спустя, он завершает не без грустной самоиронии: *«Если только буду знаменит, / То поеду в Ялту отдыхать...»* [11, с. 140].

М. Корякина в воспоминаниях о Рубцове приводит его высказывание, «что все поэты, знают они это или не знают, хотят того или не хотят, – пророки» [6, с. 236]. В раннем стихотворении «Два пути», ещё несовершенно в форме, но именно «пророческом», он как бы предсказывает свой творческий путь. В зачине стихотворения образ леса предстаёт враждебным человеку: *«От лесов угрюмых падал мрак...»* [11, с. 288]. Затем на фоне лесов обозначаются «два пути»: широкий тракт, заполненный людьми, и «узкая тропа», уводящая в лес. Она страшит лирического героя одиночеством, но при этом влечёт его. В финале стихотворения лирический герой укрепляется в своей решимости идти собственным путём: *«Кто же знает, / может быть, навеки / Людный тракт окутается мглой, / Как туман окутывает реки... / Я уйду тропой»* [11, с. 288].

Но «лесные тропы» поэта были ещё впереди, а в годы молодости его манила морская стихия. Из биографии Рубцова следует, что в 1950 г. он не смог поступить из-за отсутствия паспорта в Рижское мореходное училище и два года проучился в Тотемском лесотехническом техникуме. Однако

связанная с лесом профессия его не привлекала, и он, не доучившись, подался в Архангельск, где начал морскую карьеру подручным кочегара на тральщике. Любопытно, что первыми представителями флоры в его стихах стали теплолюбивые розы и кипарисы («Волнуется южное море...»), а не привычные для русского севера растения. И уже через годы, отслужив срочную службу на флоте, он, посетив родные края, по-прежнему ощущает природу северной Руси как угрюмую и даже враждебную человеку, несмотря на то что внешне жизнь здесь изменилась: *«Теперь в полях везде машины, / И не видать худых кобыл, / И только вечный дух крушины / Всё так же горек и уныл»* [11, с. 34].

Тем не менее, долгая морская служба (а длилась она тогда четыре года) способствовала пробуждению ностальгических чувств молодого поэта. В стихотворении «Встреча» сердце лирического героя радуется *«покою родимых мест»* [11, с. 331]. Расширяется тема любви к далёкой теперь родине в стихотворении «Грусть», северная природа здесь предстаёт уже не угрюмой, а совсем наоборот: *«Любимый край мой, нежный и весёлый. / Мне не забыть у дальних берегов / Среди полей задумчивые сёла, / Костры в лугах и песни пастухов...»* [11, с. 336]. На первый взгляд может показаться, что, вспоминая «любимый край» как край полей и лугов, Рубцов нарушает провозглашённые Есениным законы «климатического стиля», ведь основную часть территории Вологодской области занимают леса. Однако и на лесистых территориях сёла окружены окультуренным пространством, поля и луга вокруг них испокон веков

формировались в процессе корчевания леса. Образ обильно политой потом многих поколений русских людей, обжитой и воспетой ими земли, где «...каждый славен – мёртвый и живой!» [11, с. 87], вообще является определяющим элементом пейзажа в лирике Рубцова.

Открытые ландшафты с травянистой растительностью особо любимы Рубцовым, может быть, по ассоциации с морскими просторами. В стихотворении «Зелёные цветы» он по очереди создаёт образы сразу трёх таких ландшафтов: луга, поля и степи. Начинается оно с идиллического пейзажа цветущего луга: «Светлеет грусть, когда цветут цветы, / Когда брожу я многоцветным лугом...». Затем настаёт черёд философических размышлений о целительной силе полей: «Одно осталось ясно – / Что мир устроен грозно и прекрасно, / Что легче там, где поле и цветы». В заключение этого шедевра философской лирики следует вывод о непреложности законов «климатического стиля» как в природе, так и в искусстве. Фантазии художника о белых листьях и зелёных цветах оказываются лишь курьёзными мечтаниями на фоне реальной степи: «...никогда, бродя цветущей степью, / Меж белых листьев и на белых стеблях / Мне не найти зелёные цветы...» [11, с. 163].

Мотив леса как вместилища красоты и хранителя душевного покоя, а не пристанища разбойного люда, впервые появляется в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип...». Затем этот мотив становится «сквозным», звуча в целом ряде стихотворений. В одном из них («Доволен я буквально всем!...») поэт, следуя в русле есенинской традиции перевоплощения лири-

ческого героя в своего растительного двойника, отождествляет себя с вещными атрибутами леса: «Сказать: – Я был в лесу листом! Сказать: – Я был в лесу дождём! Поверьте мне: я чист душою...» [11, с. 197]. Просматривается здесь и аллюзивная связь с романтической традицией в русской литературе. Лермонтовский образ оторвавшегося «от ветки дубовой» листа, ассоциирующийся с одиноким странником, утратившим связь с социумом, у Рубцова предстаёт в совершенно другом свете: причастность к родному неустраима и в будущей жизни помогает хранить душу в чистоте.

Показательно, что практически в каждом стихотворении Рубцова на «лесную тему» помимо образов древесных растений присутствуют образы каких-либо грибов или ягод. Такому обилию лесных даров в произведениях поэта, скорее всего, способствовало его личное пристрастие к «тихой охоте» (выражение С.Т. Аксакова). При этом «грибник он был прирождённый, удачливый на зависть» [13, с. 204]. В одном из писем А.Я. Яшину Рубцов одними восклицательными предложениями красочно описывает свою любовь к собиранию грибов, особенно рыжиков. Если о том, какая древесная порода: берёза, ива или сосна – наиболее любима поэтом, можно спорить, то в том, что его самый любимый гриб – рыжик, нет никакого сомнения. «Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...» [11, с. 105] – восклицает от полноты чувств его лирический герой, поражённый мудрыми словами старого пастуха («Жар-птица»). А «всех ягод лучше – красная смородина...» («В лесу») [11, с. 124].

В одном из поздних стихотворений «Что вспомню я?..», пытаюсь восстано-

вить в памяти события давно минувших лет, поэт с горечью убеждается, что многие из них стёрлись, и теперь о его детских болях и радостях *«лишь помнят зелёные чащи / Да тёмный еловый лес!»* [11, с. 434].

У Рубцова, несмотря на его пронзительную любовь к русской земле, сравнительно мало так называемой пейзажной лирики. Первым на этот факт указал А.П. Ланщиков в статье «Поэт и природа»: «У Николая Рубцова трудно найти стихотворение, в котором бы отсутствовал образ родной природы, и в то же время пейзаж как таковой почти отсутствует в его стихах» [7, с. 164].

В знаменитом стихотворении «Букет», положенном на музыку Александром Барыкиным, о лугах, где происходит лирическое событие, сообщается только то, что они «глухие», а о луговых цветах – что «скромные». Других эпитетов в стихотворении нет, но это никак не сказывается на силе его художественного воздействия. Стихотворение «Левитан», в котором обыгрываются мотивы картин художника, показательно характерным для Рубцова художественным приёмом, когда красота колокольчикового луга передаётся не его подробным описанием, а сравнением со звоном колоколов: *«Твои луга звенят не глуше / Колоколов твоей Руси»* [11, с. 53].

И всё-таки некоторые произведения Рубцова представляют собой именно пейзажную лирику. В их числе стихотворение «Прекрасно пробуждение земли!..», хотя в нём и содержится признание в том, что передать словами очарование пробуждающейся природы невозможно: *«Роса переливается на травах, / Да так, что даже слов не подберёшь!»* [11, с. 384]. Наиболее

чётко жанровые признаки пейзажной лирики обозначены в стихотворении «В старом парке». Здесь нет действующего лирического героя, а автор является только рассказчиком, что Рубцову обычно не свойственно. В то же время это стихотворение можно отнести и к философской лирике: вслед за описанием разрушенной и заросшей крапивой барской усадьбы идут размышления о непостижимости природы в целом: *«Подует ветер! / Сосен тёмный ряд / Вдруг зашумит, / Застонет, занеможет, / И этот шум Волнует и тревожит, / И не понять, О чём они шумят»* [11, с. 226].

Формально к пейзажной лирике можно отнести и стихотворение «Ферапонтово», являющееся примером мощного и благотворного духовного влияния природы на человека. В нём, по выражению В.В. Кожина, «высшее проявление человеческих возможностей “возникло” подобно тому, как возникали трава, вода, берёзы» [4, с. 28]. Сам Ферапонтов монастырь внесён в 2000-м г. ЮНЕСКО в список Всемирного наследия благодаря сохранившимся в соборе Рождества Богородицы фрескам живописца Дионисия и удивительно гармоничному единению монастырского ансамбля с окружающим его природным ландшафтом. А может быть, и благодаря данному стихотворению Рубцова, ведь именно эти особенности Ферапонтова монастыря легли в основу его сюжета. Начинается оно с любования окружающей монастырь местностью: *«В потемневших лучах горизонта / Я смотрел на окрестности те, / Где узрела душа Ферапонта / Что-то Божье в земной красоте»*. Затем повествуется о «небесноземном Дионисии», который *«...это*

дивное диво возвысил...». И в заключительных строках природа и творение человеческого гения объединяются в единое, наполненное святостью целое: «Неподвижно стояли деревья, / И ромашки белели во мгле, / И казалась мне эта деревня / Чем-то самым святым на земле...» [11, с. 266].

Не играя самостоятельной роли, пейзаж, тем не менее, в лирике Рубцова весьма значим и несёт на себе большую эмоциональную и смысловую нагрузку. Главными приметами родной земли для поэта стали природные ландшафты: «глухие» вологодские луга, холмы «задремавшей отчизны», «тёмный еловый лес», «болото, на сотни вёрст усыпанное клюквой» и др. На них сосредоточена «непобедимая» любовь лирического героя к родине, и они являются своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим Руси. Поэт в своих произведениях создал некое метафизическое пространство, на котором существуют многие поколения людей и растений, а ландшафты, как природные, так и окультуренные человеком,

являются хранителями исторической памяти. Отдельно взятые растения, образующие эти ландшафты, тоже им любимы, но их образы при этом часто предстают слабыми перед лицом судьбы: их ломает ветер, уносят потоки воды, губят заморозки, режет коса и т. д. Может быть, это отголоски горького сиротского детства поэта.

В целом лирическое пространство Николая Рубцова не отличается разнообразием флористических образов (особенно, в сравнении с другим певцом Северной Руси – Николаем Клюевым). Но при этом (в отличие от того же Клюева, некоторые произведения которого смешением северно-русских и экзотических пород растений напоминают ботанический сад) образы растений у него органично вписываются в те ландшафты, которым они принадлежат (возможно, сказывается незаконченное лесное образование). «Это “ощущение” органической необходимости в художественном творчестве» [2, с. 454] позволяет говорить о приверженности Рубцова есенинским принципам «климатического стиля».

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2002.
2. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994.
3. Каркавцев В. Он жизнь прожил, как песню спел (Приложения и комментарии) // Рубцов Н.М. Звезда полей. М.: Воскресенье, 1999. С. 558–563.
4. Кожин В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Советская Россия, 1976. 88 с.
5. Коняев Н.М. Николай Рубцов. М.: Молодая Гвардия, 2001. 364 с.
6. Корякина М. Душа хранит // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 236.
7. Ланщиков А.П. Поэт и природа. Памяти Николая Рубцова // Чувство пути. М.: Сов. Россия, 1983. С. 164–171.
8. Московская Д.С. Локально-исторический метод Н.П. Анциферова // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 179–185.

9. Оботуров В.А. Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова: Очерк. М.: Советский писатель, 1987. 256 с.
10. Педенко С.Ф. Самая жгучая связь // Рубцов Н.М. Звезда полей. М.: Воскресенье, 1999. С. 5–30.
11. Рубцов Н.М. Звезда полей. Собр. соч.: В 1 т./ Сост., подгот. текстов, приложения и комментарии Л.А. Мелкова, Н.Л. Мелковой. М.: Воскресенье, 1999. 672 с.
12. Рубцов Н.М. Коротко о себе // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 289.
13. Чухин С. До последнего дня // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 204.

REFERENCES

1. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 5* [Complete collection of works. Vol. 5]. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1995-2002.
2. Il'in I.A. [I peer into life. The book of meditation]. In: *Sobranie sochinenii. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994.
3. Karkavtsev V. [He was living his life as has was singing a song (Appendixes and comments)]. In: *Rubtsov N.M. Zvezda polei* [N. Rubtsov. Star of fields]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. pp. 558–563.
4. Kozhinov V.V. *Nikolai Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta* [Nikolay Rubtsov. Notes on the life and work of the poet]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1976. 88 p.
5. Konyaev N.M. *Nikolay Rubtsov* [Nikolay Rubtsov]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2001. 364 [4] p.
6. Koryakina M. [Soul keeps]. In: *Vospominaniya o Rubtsove* [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 236.
7. Lanshchikov A.P. [The poet and nature. The Memory Of Nikolay Rubtsov]. In: *Chuvstvo puti* [A sense of a way]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. pp. 164–171.
8. Moskovskaya D.S. [Local-historical method of N. Antsiferov]. In: *Russkoe literaturovedenie XX veka: imena, shkoly, kontseptsii* [The Russian literature of the 20th century: names, schools, concepts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. pp. 179–185.
9. Oboturov V.A. *Iskrennee slovo. Stranitsy zhizni i poeticheskii mir Nikolaya Rubtsova: Ocherk* [A sincere word. Life and poetic world of Nikolay Rubtsov: an Essay]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 256 p.
10. Pedenko S.F. [The most burning connection]. In: *Rubtsov N.M. Zvezda polei* [N. Rubtsov. Star of fields]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. pp. 5–30.
11. Rubtsov N.M. *Zvezda polei. Sobranie sochinenii* [Star of fields. Collected works]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. 672 p.
12. Rubtsov N.M. [Briefly about myself]. In: *Vospominaniya o Rubtsove*: [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 289.
13. Chukhin S. [Till last day]. In: *Vospominaniya o Rubtsove* Arkhangel'sk; [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 204..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербаков Сергей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мытищинского филиала Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Shcherbakov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian language in the Mytishchi Branch of Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербаков А.С. Природные ландшафты в поэзии Николая Рубцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 94-102
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102

FOR CITATION

Shcherbakov A.S. Natural landscapes in the poetry by Nikolay Rubtsov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 94-102
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102